

XI. ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ.

(Из «Сказаний князя Курбского»).

.....На четвертый день мы вышли против города Казани, на обширные, ровные и очень пестрые луга. На этих лугах, раскинувшихся по направлению к городу на добрую милю, подле реки Волги, расположилось все войско. Самый город находится не на Волге, а над рекой Казанкой, от которой он и получил свое название. Расположен он на высокой горе и особенно хорошо виден со стороны Волги; дороги также ведут к нему от Ногайской стороны, от реки Камы и так называемого Арского поля. Здесь мы отдохнули один день, пока с судов, шедших впереди войска, были сняты пушки. На другой день, рано утром, после божественной литургии, войско, вместе с царем, двинулось из стана и, распустивши христианские знамена, чрезвычайно стройно и в большом порядке направилось к неприятельскому городу. Но здесь мы увидели, что город опустел, что нет в нем живой души и не слышно даже человеческого голоса, чему многие неопытные обрадовались и говорили, что царь со всем своим войском, от страха пред многочисленными полками, убежал в леса.

Наконец мы близко подошли к городу, сильно укрепленному: с правой стороны течет река Казань, а с левой, почти под самым городом, тянется очень тинистый и грязный поток Булак, впадающий, около угольной башни, в Казанку, вытекает же он из небольшого озера Кабана, кончающегося за полверсты от города; за этим

потоком между Булаком и городом с Арского поля, поднимается очень крутая и трудная для подъема гора. Кроме того, под самым городом от Казанки до так называемого Поганого озера, лежащего у самой реки (Казанки), выкопан очень глубокий ров, от Казанки же гора поднимается так высоко, что даже трудно глаз поднять к вершине. На этой-то горе построен город, царские палаты и очень высокие каменные мечети, в которых погребались цари; мечетей, мне помнится, было пять.

Когда начали окружать неприятельский город, то трем полкам приказано было переправиться чрез речку Булак. Первым выступил и навел мосты передовой полк который состоял из семи тысяч избранного войска; командовали им два начальника, князь Юрий Пронский и князь Феодор Львов из рода князей Ярославских, юноши очень храбрые; им с трудом пришлось выбираться на высокое Арское поле, между упомянутым озером и Кабаном на расстоянии почти двух лучных выстрелов от городских ворот. Но лишь только второй полк стал переправляться по наведенным мостам как царь казанский выпустил из города на первый полк 5,000 конных воинов с копьями и до 10,000 пеших со стрелами. Эти стремительно ударили в середине горы на центр нашего отряда, из которого две тысячи уже взошли было на гору, разорвали его. Жестоко сразились они, схватка завязалась горячая. Тут вместе с начальниками поспешили на помощь другие стрельцы с ружьями, опрокинули конницу и пехоту неприятельскую и, поражая их погнали к городским воротам захвативши при этом даже несколько живых. В это время с высоких башен и городских стен неприятели открыли по нашему войску сильный огонь, но он, благодаря Бога, не причинил нам никакого вреда. В тот же день наши полки окружили город со всех сторон и, таким образом отрезали ему все проходы и проезды, так что татарам прекращена была всякая возможность проникнуть в город или выйти из него. Затем оба начальника, передовой полк и также полк при котором находился царь Шиг-Алей, пришли на Арское поле; другие же начальники со своими полками залегли на пути, ведущем в город от Ногайской страны.

Мне же вместе с моими товарищами тогда было поручено устроить правый фланг в войске, хотя я был еще очень молод, всего двадцати четырех лет от роду. В нашем войске находилось более 12,000 войска да пеших стрельцов и казаков шесть тысяч. Нам приказано было идти за реку Казань; войско нашего полка растянулось вдоль по реке, от одного конца, повыше города, до моста, что на галлицкой дороге, и залегли все пути луговым черемисам. Нам пришлось стоять на равнине, между огромными болотами; город пред нами круто поднимался в гору, и потому мы очень терпели от огненной стрельбы со стен, а сзади наезжали на нас из лесов черемисы. Другие полки стали между Булаком и Казанью, по ту сторону Волги. Сам же царь с великим полком расположился на гористом месте, в версте, или немного более, от города, со стороны Волги; таким образом, город был окружен. Царь казанский с тридцатью тысячами отборного войска, со всеми духовными и светскими властями и с двором затворился в городе; другую же половину войска он

оставил в лесах; тут же находился отряд из двух тысяч с лишком человек, присланный на помощь ногайским князем. В продолжении трех дней мы устраивали туры, но работам сильно мешали неприятели, то стреляя из города, то делая вылазки и вступая в рукопашные схватки с нашими; в этих схватках погибло много народа с той и другой стороны, больше, впрочем у неприятеля. В последнем обстоятельстве наши солдаты видели знак Божьего к нам милосердия, и, вследствие этого, возрастал в них дух твердости. Когда туры были верно и крепко установлены, и стрельцы с начальниками, окопавшись землею, считали себя уже в безопасности от метких выстрелов из города и вылазок—тогда стали употреблять в дело большие и средние пушки, а также мортиры, числом около полутораэта, которые постепенно устанавливались вокруг города за турами, в полутора саженья одна от другой; кроме того, у царских палаток было много полевых орудий. Тогда мы начали бить стены таранами, сбили со стен пушки и, таким образом прекратили казанцам возможность стрелять в наши полки из этих орудий; но малых и ручных орудий, которыми они сильно вредили нашей коннице и пехоте, мы отнять не могли.

Но царь казанский выдумал против нас такую хитрость. Какую же? поведай мне, прошу. А вот какую. Но слушай внимательно, раздраженный воин! Он уговорился с тем войском которое оставил в лесу, чтобы действовать по данному знаку (по татарски: «ясак»): едва вынесут их большое бусурманское знамя на высокую башню или на самое гористое место в городе и начнут им махать, то бусурмане ударяли со всех сторон из лесов грозно и быстро, а из города во все ворота тотчас же нападали на наши туры, с такой необыкновенной запальчивостью и храбростью, что, просто, невероятно. И вот вышли из города сами начальники вместе с царским двором, а с ними до десяти тысяч войска. С яростью и ожесточением бросились бусурмане на христиан и далеко отбили их от пушек; но Божиею милостью, пришла дружина Муромской волости, находившаяся поблизости; дружина эта была старинного рода и среди русских считалась храброй и мужественной. Стеснивши начальников со всеми их силами, она заставила их обратиться в бегство, била и рубила их до самых ворот, так что те в громадном количестве погибли от ударов и еще более от сильной давки у городских ворот; многие тоже живыми попались в плен. В то же время враги показались и из других ворот, но здесь жарко сражались. И всякий день, почти три недели, мы терпели эту беду, и хорошенько подкрепить себя пищею нам не было времени; но с помощью Божьей сражались мы, пешие с пешими, которые выходили из города, а конные с конными, выезжавшими из лесу; тогда и большие пушки поворачивали от города к лесу и стреляли железными ядрами в бусурманских наездников. А тяжелее всего от их набегов было тем христианским полкам, которые стояли на Арском поле, как и нам на галицкой дороге, от луговой черемисы; войско же, стоявшее под городом за Булаком со стороны Волги, где находился и царь, не терпело от наездов; только частые вылазки не давали покоя стоявшим с пушками вблизи городских ворот. Кто бы мог рассказать, какие потери

несли мы в людях и конях, сколько погибло наших слуг, которые ездили искать травы для коней, и начальники не везде могли оборонить их по причине коварства бусурман и их быстрых наглых нападений! Право, не исписать бы мне, сколько их избито и поранено. Царь казанский видел, что христианское войско, особенно то, которое стояло при турах близ городских стен очень изнемогло, частью от беспрестанных вылазок и наездов из лесов, частью от скудости пищи, так как всякая пища обходилась очень дорого, а войску, как я сказал от беспокойства некогда было наесться и сухого хлеба: мы чуть не все ночи проводили без сна, оберегая пушки больше жизни и чести. Когда же царь татарский, а также и те, которые находились вне города, поняли наше положение, то еще сильнее и чаще стали наезжать из лесов и нападать из города. Тогда наш царь, в совете со всеми воеводами и боярами, решил, надеясь на благость Господню, разделить войско надвое; половина оставлена под городом при пушках, значительную же часть он поместил при своих шатрах беречь свое здоровье, а 30,000 конных устроил и разделил на полки и над каждым полком поставил по два, по три начальника храбрых испытанных в богатырских делах; к ним присоединены и пешие стрельцы и казаки, в числе 15,000 человек, разделенных на полки и порученных воеводам. Главным начальником над всеми этими конными и пешими назначен был Александр Горбатый, князь Суздальский, муж очень разумный и почтенный и в военных делах испытанный. Он должен был ждать, укрыв все войско за горами, когда, по своему обычаю выйдут бусурмане из лесов и тогда сразиться с ними. Утром в третьем часу, полки бусурманские, вышедши из лесов ударили на так называемое Арское поле, и прежде всего на сторожевой полк, которому велено было отступать и уклоняться до самых укреплений. Неприятели же, думая, что христиане бегут от страха, погнались за ними; когда же втиснули их уже в обоз, то стали под турами делать круги и гарцевать, стрелять, подобно частому дождю, из луков. Вслед затем в большом порядке, понемногу выступили другие их отряды, конные и пешие, с намерением уничтожить христиан. Тогда-то главный начальник выдвинул прекрасно построенные полки, и они стремительно ринулись в битву. Увидев это, бусурмане и рады были назад к лесу, да не могли это сделать: слишком уж далеко отъехали от него в поле; поэтому волей-неволей они стали сражаться и крепко держались против первых отрядов. Когда же подоспел главный полк, в котором был сам воевода, и приблизились пешие отряды, обходя их особенно со стороны леса, то все полки неприятельские тотчас обратились в бегство, а христианское войско гнало, било их так, что почти на две линии лежало множество бусурманских трупов и, кроме того, до тысячи были захвачены живыми.

Такую блистательную победу одержали, с помощью Божьей, христиане над бусурманами!

Когда привели первых узников к нашему царю, то он велел выставить их пред турами и привязать к колям чтобы они угоривали и умоляли своих единоплеменников в городе отдать его христианскому царю. Также и наши ездили около города и напоминали об

этом обещая, от имени царя, жизнь и свободу как узникам, так и осажденным. Они же, выслушавши молча увещания, вдруг начали стрелять со стен больше в своих, чем в наших, говоря: «лучше нам видеть, как вы умрете от наших бусурманских рук, чем когда перебьют вас гяуры необрезанные!» При этом уста их с великою яростью, даже удивившею нас, смотревших на все это, изрыгали проклятия.— Через три дня после этого царь приказал князю Александру Суздальскому с тем же войском отправиться на засеку, где, среди больших болот на высокой горе, в двух милях от города, бусурмане соорудили стену и куда они, после бегства, собрались в большом числе, замысливши выехать отсюда сразу и ударить на неприятеля. Кроме того, к вышеупомянутому главнокомандующему прибавлен был вместе с полками, другой начальник или главный воевода, именем князя Семена Микулинского, из рода великих князей тверских, муж храбрый и испытанный в богатырских делах; этим воеводам приказано было: если Бог поможет им проломить стену, пусть они войдут в самый Арский город лежащий в 12-ти добрых милях от города Казани. Когда наши подошли к этим стенам татары, сплотившись, мужественно стали защищаться, отбиваясь в течение двух часов; но наши, благодаря Бога, одолели их как в огненной (пушечной) стрельбе, так и в ручной (ружейной); бусурмане побежали, наши за ними погнались. Затем все многочисленное войско перебралось чрез стену и оттуда отправило к нашему царю вестника; сами же воины провели ночь в бусурманских шатрах, где нашли богатую добычу. Чрез два дня они достигли Арского города, но застали его пустым: от страха все разбежались в дальние леса. Пробыли там воеводы около десяти дней. В той земле есть великие поля, очень плодородные и обильные всякими плодами; дворы князей и вельмож действительно прекрасны и достойные удивления, и села часты. Хлеба так много, что даже с трудом верится, подобно звездам на небе; бесчисленные стада различного скота и драгоценные добычи, особенно от различных зверей, в той местности находящихся: рождаются там дорогие куны, белки и другие звери, потребные для одежды и пищи; а немного далее водится также множество соболей и мед в изобилии; не знаю, где бы под солнцем было больше! Через десять дней, с богатейшею добычею и множеством пленных бусурманских жен и детей, благополучно возвратились наши, освободивши от многолетнего бусурманского ига и работы давно попавшихся к ним соотечественников. Тогда в христианском войске была великая радость, и служили много благодарных молебнов: всякая живность стала дешевле, так что за корову платили десять денег московских, а за большого вола десять белок. Вскоре после возвращения нашего войска, именно, через четыре дня, собрались в большом количестве луговые черемисы, ударили на наши задние станы, находившиеся у галицкой дороги, отбивши при этом немало табунов. Но мы тотчас послали за ними в погоню трех начальников и некоторые другие полки, бывшие в засаде; эти нагнали неприятеля в трех или в четырех милях от нас, некоторых перебили, некоторых живыми в плен захватили. Если бы я по порядку писал все, что ежедневно происходило под городом то вышла бы целая книга. Но вкратце

следует еще упомянуть о том, как они производили чары и навели большой дождь на наше войско. Как только солнце начинало всходить на крепость, в виду всех нас выходили престарелые мужи и женщины, махали своими одеждами на наше войско и неприлично вертелись, произнося при этом «сатанинские слова». В эту минуту поднялся ветер, небо заволакивалось тучами, как бы день ни был ясен, и начался проливной дождь, так что сухие места тотчас превращались в болота и наполнялись водою,—и все это совершалось только в том месте, где было наше войско, кругом же ничего не было. Увидевши это, мы посоветовали царю тотчас послать в Москву за животворящим древом вделанным в крест, который всегда бывает при царском венце. Тогда немедленно отправлены были за «Божьего помощью» послы, которые на очень быстроходных вятских судах должны были на третий или четвертый день прибыть в Нижний Новгород, от Нижнего Новгорода доехать до Москвы на скорых подводах. Когда честный крест с вделанной в него частицей спасенного древа, на котором Господь наш Иисус Христос страдал за людей, был привезен, то все духовенство, с христианскими церемониями, делало обходы и по церковному обычаю святило воды, — и от действия животворящего креста тотчас исчезли и пропали бесследно все их нечестивые чары. В то же время за две или три недели до взятия города, у них отнята была вода посредством подкопа под большое подземелье, и тайники, откуда они брали воду на весь город; поставлено было туда около двадцати бочек пороха, которым башню и взорвало. К тому же за полмили от города мы устроили длинный и глубокий подкоп и в одну ночь поставили 10 пушек и 50 «гаковниц»*), и ежедневно оттуда причиняли большой вред городу и стенам; а именно до взятия города побито было одних бусурманских воинов кроме жен и детей, около десяти тысяч во всех схватках и вылазках—и все это из того же подкопа. А как он был устроен, какие различные осадные хитрости употреблялись,— я, для краткости рассказа, не описываю, потому что подробно об этом рассказывается в летописной русской книге. Упомяну только о взятии города, которое опишу, насколько припомню.

Тогда Господь не только вселил в нас разум и дух храбрости, но даже некоторым достойным и с чистой совестью мужам в ночных видениях объявил о взятии бусурманского города; войско, мне кажется, было к нему двинуто для того, чтобы отомстить за бесчисленное и многолетнее пролитие христианской крови и чтобы оставшихся еще там избавить от многолетнего рабства.

Наконец по прошествии семи недель от обложения города, нам днем еще приказано было ждать утренней зари, до восхода солнца, и готовиться к приступу, причем дан следующий знак: едва порох (а его было подкопано и засажено под городскую стену 48 бочек) взорвет стену, как большая половина пешего войска должна быть отправлена на приступ, треть же всего войска, или немного более, должна остаться в поле для охранения царского здоровья. Мы, согласно

*) Гаковница — длинное огнестрельное орудие небольшого калибра, приложенное к деревянному отрубку.

приказанию, рано приготовились к приступу почти за два часа до зари. Я, с двенадцатью тысяч войска, был послан на приступ к нижайшим воротам у верховья Казанки. Со всех четырех сторон были так же поставлены сильные и храбрые мужи с большими отрядами. Царь же казанский и его вельможи, узнавши обо всем этом, также стали готовиться против нас как и мы против них.

Пред самым солнечным восходом чуть только солнце стало появляться, взорвало подкоп и тотчас войско христианское, по повелению царя, со всех сторон ударило на город и крепость. Пусть каждый рассказывает о себе; я же кратко и истинно поведаю о том, что представлялось моим глазам. Разделивши свои 12,000 чел. на отряды и назначивши начальников, я быстро направился к городской стене и к той великой башне, которая стояла пред воротами, на горе. Когда я находился подалее от стен, то в нас не было пущено ни одной пули, ни одной стрелы; но лишь только я приблизился, как открыли против нас сильнейший огонь со стен и с башен, был целый дождь стрел и посыпалось бесчисленное множество камней, что и «воздуха» не стало видно. Когда, наконец, с большим трудом и потерями, мы подошли под самые стены, нас начали обливаться кипящею смолою и забрасывать целыми бревнами. Но Бог помогал, вселял в нас храбрость и крепость, даровал избавление от смерти, охотно и радостно бились мы с бусурманами за православное христианство и почти в полчаса стрелами и ружьями отбили их от амбразур. Кроме того, нам помогали пушки, стрелявшие в них из-за туров. Неприятеля, видно было, стояли на башне и на городских стенах не в таком порядке, как прежде, но крепко, схватившись с нашими, лицом к лицу, вступали в рукопашный бой; мы тотчас могли бы их перебить, но многие пошли на приступ к городским же стенам пришли немногие: некоторые возвращались, множество лежало убитых и раненых. Затем Бог нам помог. Первым влез по лестнице на стену мой родной брат, и с ним другие храбрые воины; некоторые, продолжая биться и колотясь с неприятелем влезли в амбразуры великой башни, а оттуда бросились на большие городские ворота. Бусурманы тотчас показали тыл, оставив городские стены и побежав на великую гору к царскому дворцу, который был сильно укреплен и, между палатами и каменными мечетями, был окружен большою стеною. Мы последовали за ними к царскому дворцу, хотя были обременены тяжелым вооружением и многие храбрые воины имели уже на теле раны и очень мало осталось сражавшихся с ними. Войско же наше, оставшееся за городом, как только увидело, что мы уже в городе, и что татары побежали со стен тотчас ринулось в город; лежавшие раненые вскакивали и мертвые воскресали. Со всех сторон, бросились в город не только эти, но также кашевары, оставленные при конях и люди, приехавшие с товаром все сбежалось в город не для ратного дела, но для богатой добычи; много было в городе золота, серебра, драгоценных камней, собольих мехов и других огромных богатств. Татары, с нашей стороны, забрались в царский дворец; низменную же часть оставили все, кто только мог убежать; по другую же сторону, с Арского поля, где был взрыв царь казанский с своим двором выступил и

почти в середине города, в Тезицком (по нашему, купеческом) рве остановился, отчаянно сражаясь с христианами. Две части этого города находятся на высокой горе, как на равнине; третья же часть лежит в долине, почти в пропасти; а поперек почти в середине города, от стены Булака до низкой части города, находится большой ров. Вообще, город не малый: мало чем отличается по величине от Вильны.

Продолжались эти битвы часа четыре, и не помню уже сколько добыто было на стенах и в городе. Когда бусурмане увидели, что христианского войска осталось мало, что почти все бросились на добычу (многие, говорить, по два и по три раза уходили с добычею в стань и опять возвращались), то начали ополчаться и силою налегать на храбрых наших воинов уже уставших. Вышеупомянутые же корыстолюбцы, увидев, что наши, теснимые бусурманами, мало-помалу уступают, тотчас ударились в такое бегство, что многие даже не попали в ворота, а, вместе с добычею, метались через стену; некоторые же, побросавши добычу, только вопили: «секут, секут!» Но, Божьего милостью, не сокрушили сердца храбрых: хотя и нам было тогда очень тяжело от натиска бусурман (с того времени, как мы вошли в город в моем отряде было убито девяносто восемь храбрых мужей, кроме раненых), однако, благодаря Бога, с нашей стороны неподвижно устояли против них. Но на другой стороне наши, как я уже сказал, подались немного назад вследствие сильного натиска неприятелей; об этом дали знать нашему царю и бывшим с ним тогда приближенным; он и сам видел бегство из города упомянутых уже беглецов,— и сильно изменился он в лице и упал духом думая что, бусурмане выгнали из города все христианское войско. Увидевши это, мудрые и опытные советники царя тотчас же велели поставить знамя близ царских ворот и самого царя, волею-неволею, взяв за узду коня, подвели к этому знамени; были между этими боярами некоторые мужи века отцов наших состарившиеся в добродетелях и во всяком ратном искусстве. Половине великого царского полка, в котором было больше 20,000 отборного войска, тотчас приказано было сойти с коней; приближенные приказали не только своим детям и родственникам но и сами, сошедши с коней, поспешили на помощь к стесненным воинам. Когда вдруг явилось в городе столько свежего войска, в прекрасном вооружении, казанский царь начал сильно обороняясь, уходить назад со всеми татарами; наши же, сражаясь с ними, еще сильнее прежнего наступали. Так оттеснили их до самых мечетей, которые стоят близ царского дворца, и тут нашим на встречу вышли все их духовные: обазы, сеиты, муллы вместе с своими начальниками, с великим эмиром кулшерифом и сражались так упорно, что все до единого легли на месте. Царь же с остальными войсками заперся в своем дворце и еще полтора часа отчаянно оборонялся. Не зная, чем помочь в своей беде, он отобрал всех жен и детей своих и поставил их в богатых и пестрых одеждах, на одной стороне большого царского дворца, надеясь, что христианское войско прельстится их красотою и пощадит их. Сами же татары с царем собрались в один угол и решились не отдаваться живыми в руки, только бы сохранить царя, и пошли они от дворца в нижнюю часть города, к нижним воротам, где я стоял против них (против

царского дворца). Их было еще до 10,000, а со мною не остаюсь и 150 воинов; однако в тесной улице мы могли бороться, отступая и опираясь на стены. Главное же наше войско сильно их теснило с горы и избивало и уничтожало, особенно задний конец татарского полка; тут, благодаря Бога, с большим трудом выбрались мы из городских ворот. Наши с крутой горы все крепче их давили, теснили, а мы, стоя по другую сторону, в воротах не пускали их из города, и к нам на помощь уже приспели два христианских полка. Они сильным натиском так были стеснены, что груды трупов их навалило выше ворот наравне с высокою башней, стоявшей над этими воротами, и те из них которые находились в середине и сзади, шли по своим людям на стены и на башню. Тогда они возвели царя своего на башню и начали кричать, прося немного времени для переговоров; мы на миг прекратили битву, чтобы их выслушать. Они тотчас так начали говорить: «Пока стоял наш юрт и главный город где был царский престол, до тех пор мы защищались до смерти за царя и отечество; ныне же отдаем вам царя невредимым; ведите его к своему царю. А все мы остальные идем на широкое поле—испить с вами последнюю чашу». Они выдали нам своего царя с некоторыми главными вельможами, снова начали в нас стрелять и потом отправились не в ворота, а прямо со стены через реку Казань. Они хотели пробраться против моего стана теми отверстиями в турах где стояло шесть больших пушек. Тут ударили на них из всех тех орудий; они повернули налево и пошли вдоль по Казанке, берегом вниз по реке; за три лучших перестрела, где кончились наши укрепления, они начали раздвигаться и бросать доспехи для переправы чрез реку, а осталось их немного менее 6,000 человек. Увидев это, мы поспешно бросились в свой стан добыли себе несколько коней за рекою и поскакали против них чтобы заступить им дорогу. Мы успели еще прежде, чем они переправились; но у нас было не более двухсот всадников потому что все это случилось очень скоро; остальное войско почти все находилось в город, или по другую сторону города с царем. Перешедши в брод через реку (она, к счастью для них, была мелка в этом месте) неприятели начали собираться и ополчаться к другому берегу, готовые к сражению, и почти все держали на тетивах луков готовые стрелы. Мало-помалу они стали подвигаться вперед, устроив большой отряд во фронте и следуя с ним медленно густою толпой, в двух приблизительно выстрелах от нас. Бесчисленное множество христианского войска смотрело на это со стен города и с царских палат но никак не могли подать нам помощи, по причине крутой горы и страшной стремнины.

Отступив немного от берега, чтобы и задний конец их вышел из реки, мы ударили на них, думая разорвать и расстроить их полки. Молю, не сочтите меня безумным что сам себя хвалю! Я говорю правду и не таю духа храбрости, дарованного мне от Бога; к тому же и коня имел я очень быстрого и крепкого. Прежде всех ворвался я в полк бусурман и помню, что, сражаясь, три раза уперся в них конем своим. В четвертый раз конь мой, весь израненный, повалился в середине их вместе со мною, и от тяжких ран я потерял сознание. Когда, через несколько минут я очнулся, то увидел

что двое слуг моих и два царских воина стояли надо мною и плакали, как над мертвецом. Я лежал обнаженный, покрытый ранами, но остался живых, потому что на мне была крепкая прародительская броня; в особенности была велика по отношению ко мне милость Господа, который заповедывал ангелам своим хранить меня, недостойного во всех случаях. Потом узнал я, что те благородные ратники, числом около трехсот, которые обещались ударить на татар вместе со мною, только поездили вокруг полка неприятельского, не сразившись с ними. Припустив их близко, татары некоторых из них сильно поранили; прочие же, испугавшись густоты полка, вернулись и стали наезжать и топтать неприятеля сзади. Передние же отряды без помехи шли через широкий луг к большому болоту, где невозможно было их преследовать на коне, а там уже за болотом следовал огромный лес. Говорят что после меня подоспел мой брат, который, как уж я сказал первым взошел на городскую стену. Он застал татар еще на лугу, пустил во весь опор коня и в самый фронт их врубился так быстро и мужественно, что все не верили глазам. Два раза проехал он в середине их, рубя и обращая в разные стороны коня, а ему помогал один благородный воин и они вдвоем били бусурман, тогда как с города все смотрели на них и удивлялись; некоторые, не зная, что казанский царь отдался нам в руки, думали, не он ли ездит между татарами. И брата так изранили, что, кроме других ран у него в ногах нашли по пяти стрел, но жизнь, благодаря Бога, была сохранена, потому что он имел крепкую броню. Был он такого мужественного сердца, что когда убили под ним коня, он выпросил себе другого у одного дворянина и, не обращая внимания на свои раны, снова погнался за бусурманами и преследовал их с другими воинами до самого болота. Да, имел я такого храброго, мужественного и такого умного брата, что во всем войске христианском лучше его не нашлось бы; если бы! (Господи, Боже мой!) и нашелся кто другой, то все же таким бы не был. Я больше всего любил его на свете и готов был бы за его здоровье положить свою душу; но он умер от тех тяжких ран кажется, на другое лето.

Здесь конец краткого рассказа о взятии великого города Казани.